

11. Советский энциклопедический словарь / [гл.ред А.М.Прохоров]. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с.

12. Туровська Л.В. Засади створення Словника нових слів та значень /Л.В.Туровська // Науковий вісник Волинського національного університету імені Л. Українки. – 2010. – №8.

13. Цыбора И.А. О проблемах словообразовательной неологии / И.А. Цыбора // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство (сборник в честь Е.С.Кубряковой). – М.: Языки славянских культур, 2009. –С.377-380 – (Studia philologia).

14. Юмшанова Е.В. Принципы отбора и лексикографической обработки в словарях новых слов английского языка: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В.Юмшанова – Иваново, 1999. – 171 с.

УДК 811.161 + 811.111

Коч Н.В.
(Киев, Украина)

ВЕРБАЛЬНЫЕ МАНИФЕСТАЦИИ КОНЦЕПТА «СУДЬБА» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

У статті розглядаються особливості номінування концепту ДОЛЯ лексемами «судьба» (рос.) і «доля» (укр., блр.), які обумовили подальший семантичний розвиток даного ментального утворення у колективній свідомості носіїв української, російської та білоруської мов.

Ключові слова: *концепт, вербальна презентація, концептотворча номінація, генеративна модель концепту, діахронія.*

В статье рассматриваются особенности номинирования концепта СУДЬБА лексемами «судьба» (русс.) и «доля» (укр., блр.), которые обусловили дальнейшее семантическое развитие данного ментального образования в коллективном сознании носителей украинского, русского и белорусского языков.

Ключевые слова: *концепт, вербальная презентация, концептообразующая номинация, генеративная модель концепта, диахрония.*

The article deals with the nomination features of the concept FATE by the lexemes «судьба» (russ.) and «доля» (ukr., blr.), which determined further semantic development of the mental formation in collective consciousness of the Russians, the Ukrainians and the Byelorussians.

Key words: *concept, verbal presentation, concept-forming nomination, generative model of the concept, diachrony.*

Современными когнитивными лингвистами поднимается ряд вопросов, направленных на объяснение методов и приемов когнитивного анализа, выяснение содержания концептов и категорий, особенностей их именования и в связи с этим возможностей вли-

© Коч Н.В., 2011

яния языка на глубинные структуры сознания (А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, Е.А. Селиванова и др.). Недостаточная изученность процесса порождения концептов обуславливает необходимость в развитии *генеративной когнитивистики* как направления *диахронического когнитивного языкознания*, исследующей этапы формирования ментальных конструкций, особым образом вербализуемых в языковых картинах мира. Особый интерес представляет моделирование базовых межкультурных концептов в диахронии, специфика которых проявляется в способах их лингвализации, в частности, в функционировании ключевой концептообразующей номинации. Непосредственно составляющие *генеративной модели концепта* – бинарные семантические оппозиции, определяющие основные признаковые характеристики ментально-языкового образования сознания.

Понимание судьбы, в основном, как предопределенности и рока представлено в языковых картинах мира всех народов (хотя есть точка зрения, что концепция судьбы не всеобща). Отражено оно и в восточнославянских лингвальных моделях действительности. В данной статье речь пойдет о лингвокультурном концепте СУДЬБА, номинированного в русской языковой картине мира словом *судьба*, а в украинской и белорусской – словом *доля* (также блр. *лёс*). Вопрос заключается в следующем: повлияло ли на сознание носителей трех близкородственных языков номинирование одного и того же концепта разными словами? может ли номинация, закрепившаяся в качестве концептообразующего имени концепта, предопределять его семантическое развитие в коллективном национальном сознании? Чтобы ответить на эти вопросы, заглянем в историю становления понятия «судьба» и проанализируем возможности его материализации в восточнославянском социуме на фоне общечеловеческой культуры.

Модели представления судьбы сформировались в мифологических структурах сознания и поэтому изначально были сакрализованы. Судьбу как всеобщий закон имело мироздание, населенное богами, реальными и ирреальными сущностями, вещами. Таким образом, судьба отдельного человека, как и всего прочего, являлась проекцией судьбы (закона) Космоса. Нарушение его гармонии и единоначалия приводит к изменению судьбы человечества, что проявляется в поляризации ключевых смыслов поля понятия «судьба», сохраняющих бинарную семантическую целостность. Идея судьбы в истории приобретает два основных мотива: покорность судьбе и борьба с ней. Последнее связано с формированием воли человека и его стремлением к свободе как существа разумного.

В контексте древнерусской культуры, в основе которой лежали христианские воззрения с их центральной идеей *смирения* перед высшими силами, с которыми и отождествляется судьба, последняя интерпретируется как предопределенное Господом течение жизни грешного человека, данное ему для искупления грехов. Все попытки нарушения этой божественной предопределенности приводят к негативным последствиям. Формирование концепта СУДЬБА и онтологической категории «судьба» протекает параллельно, однако со временем в обыденном сознании происходит десакрализация одноименного понятия и в связи с этим трансформация информационного поля концепта. Полевая структура упрощается и усложняется одновременно с точки зрения синхронии, сохраняя все необходимые для культурного «прочтения» смыслы с позиции диахронии.

Реконструкция архетипических смыслов концепта СУДЬБА осуществляется исследователями различных научных направлений на основе мифов, устного народного

творчества и художественных авторских текстов [1–9]. Памятники письменности также содержат в себе сведения, помогающие восстановить путь развития концепта как культурного феномена. Одна из особенностей лингвокультурного концепта СУДЬБА – сохранение в информационном поле большого количества архаических составляющих, что свидетельствует о его базовом характере и невозможности анализа без учета диахронии. Поэтому данный концепт представляет собой генеративный диахронно-синхронный когнитивный конструкт, глубинные структуры которого презентированы языковыми средствами.

Определение судьбы как «неразумной» предопределенности событий и поступков человека [1: 635] справедливо лишь с позиции понимания разумности человека. Высший разум, имеющий свою логику, определяет судьбу человека каузально, во многих религиях – как меру страданий. Анна Вежбицкая, рассуждая об общекультурном характере концепта СУДЬБА, пишет: «Люди не всегда могут делать то, что им хочется, и они знают об этом. Их жизни формируются – во всяком случае, до какой-то степени – силами, которые им неподвластны, и это представляется фактом столь же очевидным и универсальным, как и то, что они должны умереть. Поэтому у нас есть основания предполагать, что концепт судьбы или что-то в этом роде можно обнаружить во всех культурах и что он находит выражение во всех языках – подобно тому, как это происходит с концептом смерти» (исследовательница полагает, что в отличие от русского понимания подчиненности судьбе, польскому коллективному сознанию это чуждо: ср. польск. *dola*) [2].

Синхронические концепты СУДЬБА (русс.) и ДОЛЯ (укр., блр.) имеют тождественные фактуальные (понятийные) компоненты, обусловленные общим генезисом соответствующего понятия в восточнославянской культуре языческой и христианской поры. Специфические отличия в образных и ценностных составляющих концепта в сознании носителей современных русского, украинского и белорусского языков сформировались под влиянием экстра- и интралингвистических факторов. Одним из самых существенных факторов, с нашей точки зрения, является закрепление в качестве основной номинации концепта разных по этимологии и семантике слов – *судьба* и *доля*.

Вначале проследим путь семантического развития общеславянского слова *судьба* суффиксального способа образования в древнерусском языке. Лексема *судьба* встречается в самых ранних памятниках письменности в значениях «суд», «правосудие», «приговор», «предопределение», «рок» («Изборник Святослава» 1073 г.; «История иудейской войны» Иосифа Флавия; см. также «Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI–XIV веков» И.И. Срезневского – Срезн. III, 608). В основе первоначальной интерпретации судьбы как суда Бога, высшего приговора лежит семантика слова *суд*, включающая значения «закон», «устав», «наказание», «смерть». Первоначально общеславянское *суд* префиксального способа образования (*су-* + **dh-i* «ставить») означало «устанавливать». Предопределенность и необратимость судьбы (исходя из внутренней формы соответствующего слова) предполагала ее утверждение высшей силой как не поддающейся сомнению данности, не зависящей от воли человека. Судьба обладала статусом неизменного закона, который устанавливался через ее посланцев, мистических проводников-медиаторов (в славянской мифологии – *Суд*, сербохорв. *Усуд*), которые испытывают грешного человека цепью фатальных событий.

Метафорически Судьба воспринималась как *путь (дорога)* во времени, где важен детерминизм прошлого и будущего, а настоящее является связующим звеном в этой линейности. На этом пути важна *встреча* (ср. мифологические персонажи *Стреча* и *Нестреча* – слуги *Усуда*). *Суд (Усуд)* и *суденицы* (русск. фолькл. *судинушки* обычно в образе трех сестер) являются, с точки зрения исследователей мифологии, «архаизмом славянской мифологической *предтраговой традиции*, воспроизводящей существенные черты общепалеоиндоевропейской» [4: 370] (ср. греч. *мойры*, римск. *парки*, герм. *норны*, ю.-слав. *орисницы* и т.д.) (курсив наш. – К.Н.).

Мифологическая предметная соотнесенность абстрактных понятий – характерная черта пралогических и мифологических структур сознания. Персонифицированная судьба имеет свои вещественные символы, наиболее важные из которых – дорога, свеча, лучина, крест, нить, вещи крылатые птицы. В.В. Колесов считает судьбу символом-гиперонимом, выражающим «самую общую идею, за которой скрываются различные ее вещные проявления» [5: 102]. Имеет судьба и свою телесную локализацию – она «написана» на лбу человека (на лоб умершего накладывается крест). Судьба имеет и свою гендерную отнесенность – чаще всего она (как и смерть) обладает женским лицом. Эта связь основана как на реалиях (женщина рождает человека), так и в предубеждениях, связанных со сложностью, непредсказуемостью, нелогичностью и в общем отрицательностью женского начала. Таким образом, энергетика информационного поля диахронического концепта СУДЬБА наполнена определенными смыслами, где такие понятия, как «наказание», «рок», «смерть» находятся в активной зоне данного ментального образования сознания.

Несколько иная ситуация складывается в процессе формирования полевых структур концепта, номинированного словом *доля*. Первоначальный образ, положенный в основу семантики слова, имплицитно устраняет фатальность и предопределенность понятия «судьба», в пределах поля которого человек является *подсудимым*, хотя контекстное окружение утверждает долю как божественное предначертание: *даль ему богъ иже се есть долъ его* (Зб. 262, 89); *то есть долъ наша и то ест жребей нашъ* (Скар. ПБ, 46-5); *Случай нуждный: зржджне Бжее, wt Бѣа обецаназ потреба, долъ* (Бер., 150)

Этимологически укр. *доля*, блр. *доля*, польск. *dola* родственно др.-прусск. *dellieis* «часть, доля», др.-инд. *dalam* «кусочек, часть, половина», лат. *dolāre* «обтесывать, обрабатывать» и связано со ст.-слав. *одолати* (ср. укр. *долати, подолати* «преодолевать») (Фасмер I, 526). Первичное значение др.-русск. слова *долъ (доля)* – «часть»: *так же логозескъ весь и рылова долъ. лю(д) и села. и землз и дань. рылова и весь доходъ* (Гр. 1387 (1 з.-р.) – СлДРЯ III, 43).

Позитивная маркированность украинского слова *доля* подкреплена мифологическим образом *Доли* – языческого духа славян, дарующего богатство и удачу [8] (Жайворонок, 192–194). Появление комплементарной бинарности *доля – недоля (судьба – не-судьба)*, закрепляет за первым компонентом (особенно в форме *доля*) связь с понятиями «счастье», «удача», «везение», «благополучие», «здоровье», «любовь», «брак» и т.п. (ср. также *добра доля – зла доля*; в украинском фольклоре *доля* – обращение к суженому и синоним счастливой жизни; русск. *ну что же – не судьба ...*). Когда говорят «нет доли (судьбы)», подразумевается не отсутствие таковой, а преследующая человека цепь неудач, бед, страданий, т.е. *злая недоля (горе, лихо, злосчастье, кручина, нужда)*. Имплицит-

но существующая бинарность концепта ДОЛЯ (СУДЬБА) сохраняется на ментальном уровне, несмотря на утрату языком соответствующих словесных противопоставлений типа *доля – недоля, судный, несудный*.

Выражения *мати долю* (укр.), *иметь судьбу* (русск.) означают – «быть счастливым». Связь понятия «доля» с понятием «счастье» генетически обусловлена. По мнению Макса Фасмера, в структуре праславянского **sъčestъje* выделяются др.-инд. корни **si-* «хороший» и **čestъ-* «часть», то есть *счастье* – «хороший удел; хорошая часть, доля» (ср. слав. *sъčastъnъ* «причастный»). Поддерживает эту позицию и Э. Бернекер, который считает, что первичное значение слова *счастье* – «доля, совместное участие» (Фасмер III, 816). В структуре общеславянской лексемы *счастье* выделяют приставку *с-* в значении «хороший», корень *часть-* в значении «часть, доля» и суффикс *-j-*. Таким образом, *счастье* первоначально означало «хорошая часть, доля» и было тесно концептуально связано с представлением доли (судьбы). Счастье понималось как более предсказуемый и управляемый процесс, чем судьба.

Трансформация конкретного значения «часть, кусок» в абстрактное значение «судьба» происходит позже. Тогда же возникает поляризация его сакральных и профанных смыслов. В значении «судьба» слово *доля* попадает в славянские языки, по-видимому, через греческие религиозные тексты и в связи с этим развивает свою семантическую амбивалентность. Полярность основных компонентов содержания концепта обусловлена неоднозначностью понимания судьбы в жизни человека. Формирование значения «судьба» у слова *доля* связано с мотивом раздела благосостояния (вначале богом) на части, определенные доли. Метафорический дележ участи конкретизируется делением материальных благ (прежде всего, земли как основного источника жизни) и таким образом большая часть информационного поля концепта ДОЛЯ отражает бытийные материальные представления человека о своей судьбе.

Это последовательно отражено в старобелорусском языке, где полисемант *доля* имел следующие значения: 1) «часть (земли, имущества)», 2) принадлежащая часть имущества (ср. *дати зь доли* «предоставить право на пользование частью имущества или дохода», *достатися вь доли* «получить часть имущества»), 3) вид подати с арендаторов земли, 4) участок земли, арендованный дольником, 5) судьба. В дальнейшем основной поток словообразовательных инноваций с корнем *дол-* «направляется» в мирское русло и отражает понятия, связанные с разделом земли, имущества: *дол(ь)никъ* (уменьш. *дольничокъ*) 1) арендатор земли, отдающий определенную долю своего дохода» (ср. *дольные люди*); 2) человек, имеющий долю в чем-нибудь; *дольница (дольщица)* «часть (земли, имущества, дохода)» (ГСБМ VIII, 268–271). Результат десакрализации понятия «доля» – «разрыв» информационно целостного поля, включавшего понятие «суд» (в значении *высший суд, Божий суд*), его производное – «судьба» и понятие «часть». Таким образом, в активной зоне концепта, номинированного словом *доля*, функционируют компоненты, связанные с представлением раздела общих благ (существенный перевес имеют материальные, физические блага), а компоненты, отражающие понятие «суд» переходят в менее активную зону и реализуют свои смыслы как приращения к семантике понятия «доля» («часть»).

Кроме слова *доля*, белорусы используют для обозначения понятия «судьба» слово *лёс* (зафиксировано с XVI в.). «Этимологический словарь белорусского языка» объяс-

няет лексему *лѣс* в значениях «судьба, условия существования», «совпадение обстоятельств, случайностей» как заимствование *los* из ст.-польск. языка (< из ст.-верх.-нем. *lōs* в значении «судьба, предназначение») (ЭСБМ V, 301). В народной речи *лѣсы* (смарг.) означает «листочки с номерами, которые вытягиваются при жеребьевке», ср. гродн. *лѣсы на кій мераць* «делать выбор» (Там же). Последние примеры свидетельствуют о желательности представления судьбы в наивной картине мира как того, что можно изменить, измерить, сформировать, подчинить своей воле, выбрать. Игровой элемент процесса жеребьевки отражает архаичные представления о судьбе как жребии (мотив выбора). Др.-русск. слово *жеребеи* вначале имело значения «кусочек (чаще металла)», «резной образец», далее – «жребий» (*метати жеребиш*), «участь», «удел», «земельный участок» (ср. ст.-слав. *жрѣбиш*, укр. *жереб*, болг. *жребие*, сербохорв. *брѣти* «резать, брить», *брѣј* «число» и т.д.) и связано со многими индоевропейскими формами в значении «резать, делать зарубки» (СлДРЯ III, 250; Фасмер II, 48).

Концепт СУДЬБА (ДОЛЯ) как и все ахронические базовые культурные концепты целостно амбивалентен, так как изначально структурно является семантическим биномом. Национальная специфика информационного поля лингвокультурного концепта СУДЬБА отражена в истории развития его вербализаторов. Моделирование смысловой реализации концепта с помощью описания его доминантных признаков, репрезентированных ключевыми концептообразующими номинациями русск. *судьба*, укр. *доля*, блр. *доля*, *лѣс*, показало, что влияние внутренней формы слов оказало определенное воздействие на формирование информационного поля данного ментального образования сознания. Мотивы подчинения и неподчинения, воли и неволи, добра и зла, счастья и несчастья развивались в соответствии с семантическим полем слов *судьба* и *доля*. Сформировавшееся различное ассоциативное окружение вокруг корней *суд-* и *дол-* определило отношение к судьбе как к приговору, року, фатуму, где человек мыслится как приговоренный, осужденный, к доле – как к управляемому процессу, части (земной, физической) жизни, фортуны, где человек может заслужить свою долю благ, проявив определенную степень свободы. Как справедливо замечает профессор В.И. Кононенко: «... українська доля більш «м'яка», вона пов'язана з поняттями не лише зла, але й добра ...» [6: 197].

В данном направлении перспективен психолингвистический анализ ассоциативного поля концепта СУДЬБА в сознании носителей современных восточнославянских языков. Результаты такого рода исследования помогут сопоставить ментальные компоненты диахроничного и соответствующего синхроничного концептов с целью определения их качественного различия, а также подтвердить или опровергнуть наши рассуждения о формировании информационных полей концептов СУДЬБА (русск.) и аналогичного ДОЛЯ (укр., блр.), отличия которых зависели от закрепления разных по семантике лексем *судьба* и *доля* в качестве ключевых концептообразующих номинаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Судьба / Сергей Сергеевич Аверинцев // Философский энциклопедический словарь [ред. кол. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев, С.М. Ковалев, Н.М. Ланда, В.Г. Панов, В.С. Степин, П.Н. Федосеев]. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

2. Бойко А.В. Концепт «судьба» («МОІРА/ГҮХН») и его реализация в сказочном дискурсе: на материале новогреческих народных волшебных сказок: дис. ... канд. наук: 10.02.19 / Анна Владимировна Бойко. – Краснодар. – 158 с.
3. Вежбицка А. Судьба и предопределение [электронный ресурс] / Анна Вежбицка // МФЖ «Путь». – №5. – 1994. – С. 82–150.
4. Иванов В.В. Суд / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. – С. 370.
5. Колесов В.В. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности / В.В. Колесов // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Выпуск 11. – СПб., 2002. – С. 98–106.
6. Кононенко В. Символы української мови / Віталій Кононенко. – Івано-Франківськ: Плай. 1996. – 269 с. – С. 197–200.
7. Погосян Р.Г. Концепт «Судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Роман Георгиевич Погосян. – Пятигорск, 2005. – 195 с.
8. Потебня А.А. О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Слово и миф / Александр Афанасьевич Потебня. – М.: Правда, 1989. – С. 472 – 516 (по: Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. О связи некоторых представлений в языке. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. О доле и сродных с нею существах. – Х.: Изд-во М.В. Потебня, 1914. – [Б. с.]).
9. Троць О.В. Вербалізація концепту ДОЛЯ у давньогерманських текстах: етнокультурний аспект: автореф. дис... канд. наук: 10.02.04 / Олена Володимирівна Троць. – К.: КНЛУ, 2008. – 20 с.

Список сокращений источников

- Бер.** – Лексикон Словеноросский Памвы Беринды (блр. перевод).
- Гр 1387** (1, з.-р.) – Грамота польского короля Владислава Ягелла князю Скиргайлу на Троцкое княжение и г. Полоцк, 25 апреля 1387 г. // БАН [изд. Сахаров, № 15 (Соболевский, Пташицкий, № 14)].
- ГСБМ** – Исторический словарь белорусского языка. – Вып. 8 [ред. А.Н. Булыка]. – Минск: Наука и техника; 1987. – 312 с.
- Жайворонок** – Жайворонок В. Знаки української етнопольтури: Словник-довідник. – К.: Вид-во «Довіра», 2006. – 703 с.
- Зб. 262** – Сборник библейских книг н. XVI в. // Рук. ЦБ АН Литвы, РКФ – 262.
- Скар. ПБ** – «Библия русская», издание Ф. Скорины 1516–1519 гг. – Книга премудрости божьей.
- СлДРЯ** – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 тт. – Т. III [под ред. Р.И. Аванесова]. – М.: Русский язык, 1990. – 511 с.
- Срезн.** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI–XIV веков: в 3-х томах. – М., 1958 (репринтное издание: СПб., 1893–1903). – Т. III.
- Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: т. I–IV [пер. с нем.; доп. О.Н. Трубачева]. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель; АСТ, 2004.

УДК 811.112.2'373.7

*Микитка І.С.
(Львів, Україна)*

ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ОДИНИЦІ – ПОЗНАЧЕННЯ НАЗВ ТВАРИН У СУЧАСНІЙ НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

Стаття присвячена розгляду фразеологічних одиниць з компонентом назви тварин як пізнавально-інформативних одиниць. Проводиться аналіз утворення та видозміни досліджуваних фразеологічних одиниць.

Ключові слова: *фразеологічна одиниця, анімалізм, пізнавально-інформативна функція, образність.*

Статья посвящена рассмотрению фразеологических единиц с компонентом названия животных как познавательно-информативных единиц. Проводится анализ возникновения и видоизменения исследуемых фразеологических единиц.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, анимализм, познавательно-информативная функция, образность.*

The article deals with some phraseological units with a component of animal names as cognitive informative units. Formation and modification of these phraseological units are analyzed.

Key words: *phraseological unit, animalism, cognitive informative function, figurativeness.*

Фразеологічні одиниці (ФО) як особливі мовні знаки належать до складних явищ мови, вони найвиразніше передають дух і красу мови. Для проникнення в сутність цього мовного феномена необхідний комплексний підхід, який враховував би дані різних дисциплін, адже компонентний склад, семантика, морфологічні та синтаксичні властивості ФО складні і цікаві тим, що вони є яскравим прикладом живого розвитку фразеологічної підсистеми мови.

Актуальність проблеми ФО на позначення назв тварин у сучасній німецькій мові зумовлена необхідністю комплексного дослідження фразеологічної номінації, під якою в сучасній мовознавчій науці розуміють найменування сутностей матеріального та ідеального порядку з використанням вже наявних у мові засобів, які зазнали повного або часткового переосмислення. Необхідно також виявити регулярні та специфічні властивості виникнення, формування та розвитку ФО на позначення назв тварин та роль компонента у формуванні цілісного та фразеологічного значення.

Компоненти ФО є словами вільного вжитку і набувають у складі ФО іншого значення, серед них анімалізми Aal, Bär, Esel, Gaul, Kalb, Hahn та інші. Утворення ФО, станов-